

Прозаический перевод «Слова», сделанный Утешеновичем, был благоприятно воспринят литературной критикой своего времени, потому что еще сто лет назад в хорватской науке и литературе перевод в прозе был оценен как предпосылка верного перевода «Слова».

Почти одновременно с прозаическим переводом Утешеновича выходит и стихотворное переложение Медича. И это обстоятельство использует Йосип Мишкатович — критик «Виенца» и плодовитый переводчик с русского языка на хорватский, — чтобы изложить свое краткое, но принципиальное мнение о возможности точного перевода «Слова» прозой.⁷ По его словам, Утешенович стремится быть в переводе как можно более точным, поэтому и переводит поэму прозой, сохраняя, где только может, те же слова и тот же порядок слов. У Медича были перед глазами версифицированные русские переводы, поэтому и сам он выбрал Гундуличевскую строфу, чтобы в этой форме представить нам «Слово».

В эти же годы известным словенским лексикографом Максом Плетершником (1840—1923) подготовлен и первый словенский перевод памятника. Этот прозаический перевод, сделанный целых сто лет назад, остается вплоть до перевода Нахтигала единственным словенским переводом. Отдельные шероховатости в переводе Плетершника обусловлены в большой мере тогдашней текстологической неисследованностью самого «Слова». Вот как переводил Плетершник цитированное место:

Jaroslavna rano žaluje v Putivli na obzidji, rekoč: «O veter, vetrič moj! Zakaj, gospod, silno veješ? Zakaj nosiš hinovske puščice na svojih lahkih perotah nad vojsko mojega moža? Ni ti li bilo dosti, gori pod oblaki veti in zibali ladije na sinjem morju? Zakaj si, gospod, razpihal moje veselje po kovilju?...»⁸

Другой словенский перевод «Слова», сделанный Нахтигалем, во многом опирается на перевод его земляка М. Плетершника, как это можно заметить и по краткой цитате из Нахтигалевого перевода того же отрывка «Слова»:

Jaroslavna rano plače v Putivlju na obzidju, rekoč: «O veter, vetrič! Čemu, gospod, nasilno veješ? Čemu siplješ hinovske strelice na svojih lahkih perutih na mojega moža vojlike? Ali ti je bilo malo gori pod oblaki veti, zibajoč ladje na sinjem morju? Čemu, gospod, si moje veselje po kovilju razpihal?»⁹

Все же ни только что цитировавшиеся прозаические югославские переводы Утешеновича и Плетершника, ни более ранние стихотворные (Хаджича и Негоша) не могли убедить сербских переводчиков в преимуществах прозаического перевода «Слова». Отсюда и дальнейшие попытки сербских переводчиков в течение XIX и XX вв. обогатить свою литературу новыми переводами «Слова» размером (метром) югославской народной песни — восьми-, десяти- и двенадцатисложным стихом. Появляются известные переводы хорейским восьмисложным стихом; это прежде всего уже

ботал Утешенович-Острожинский над своим переводом «Слова», видно из воспоминаний его современника, хорватского писателя Ивана Перковца: «Перевод „Слова о полку Игореве“ обсуждался тремя литераторами — П. Прерадовичем, О. Утешеновичем и мною. Первый из нас имел перед собой хорватский перевод, второй — русский текст, третий — чешский перевод, так что мы слово за словом сравнивали и поправляли» (I. Perkovac. *Crte iz bojnog odsjeka*. Zagreb, 1869).

⁷ J. (Йосип Мишкатович). *Slovo o polku Igorevom, ili pjesma o Igorevoj; četi prev. i objasnio Danilo Medić. U Petrogradu, 1870. Ср.: Vijenac, III, № 6, Zagreb, 1871, стр. 96.*

⁸ M. Pleteršnik. *Slovo o polku Igorjeve. Iz staroruskega poslovenil i razložil M. Pleteršnik. V Celovcu, 1866, стр. 21.*

⁹ Staroruski ep *Slovo o polku Igoreve. Izd. Slov. Akademja. Prev. Rajko Nahtigal Ljubljana, 1954, стр. 55.*